

политика

К. Е. Коктыш

АНГЛИЙСКИЙ КОНЦЕПТ СВОБОДЫ: ОПЫТ ДЕКОНСТРУКЦИИ

Кирилл Евгеньевич Коктыш — кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории МГИМО(У) МИД России. Для связи с автором: kirill.koktysh@gmail.com.

Аннотация. В статье предпринята попытка деконструкции английского концепта свободы. Зафиксировав многослойность структуры данного концепта, которую можно представить как совокупность оболочек, последовательно обволакивающих ядерный концепт, автор прослеживает историю становления его ключевых составляющих, таких как англиканство, индивидуализм, собственность, торговля и этатизм. Оформление всех этих слагаемых в концепт свободы заняло более ста лет, после чего начался этап его прикладной реализации. По оценке автора, именно английский концепт свободы лег в основание и Британской империи, и сложившегося в XIX в. международно-правового порядка, и британского национального характера.

Примечательно, что Британская империя строилась на формально антиимперских ценностных основаниях. Речь идет прежде всего о концепте свободы торговли, позволившем Англии в полной мере воспользоваться теми преимуществами, которые обеспечивало ей обладание наиболее развитой на тот момент промышленностью в мире. Теоретически освобождая всех, свободная торговля на деле освобождала исключительно Англию, помогая ей избавиться от целого ряда политически мотивированных издержек. Проведенный автором анализ выявляет фактическое присутствие в либеральной фритредерской теории классового подхода, который использовался для обоснования права имущего класса на господство. В основу же мирового порядка была положена «метафизическая сущность мирового рынка», de facto структурировавшая международно-правовое пространство XIX и XX вв.

Ключевые слова: свобода, собственность, купец, фритредерство, мировой рынок, метафора, символическая фигура, модальная личность

Новое время вполне справедливо называют эпохой свободы: при том что понятие свободы существует, похоже, столько, сколько существует человечество, именно с наступлением Современности она была поднята на шит, став ее главным ценностным основанием. При этом восприятие и толкование свободы ощутимо расходятся даже в очень близких культурах: разница между свободой у Томаса Гоббса, Жан-Жака Руссо и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля столь самоочевидна,

что не требует отдельного обсуждения (во всяком случае, в рамках этой статьи). Что важно, разница прослеживается и в философской интерпретации концепта свободы, и в прикладной, политико-теоретической — если исходить из понимания последней как перевода абстрактно-логических рассуждений в совокупность актуальных правил, практику.

В настоящей статье мы будем оставаться в русле политико-теоретических интерпретаций, сосредоточив внимание на возможной взаимосвязи между концептом свободы и практическим ее воплощением.

Развитие ключевых центров «европейскости», внесших свой вклад в создание Современности, было принципиально разным. В частности, очевидно неодинаковы судьбы Англии и Франции, причем эта разница судеб сформировалась уже после обретения концептом свободы центрального места в новой картине мира, тогда как до этого тренды имели противоположную направленность. В Новое время Англия, всегда значительно уступавшая Франции и по численности населения, и по объему ВВП, внезапно вырвалась вперед и построила Британскую империю; Франция же после наполеоновских войн, напротив, оказалась по большому счету отодвинута на вторые роли. Не был ли английский взлет связан с прикладной реализацией специфических представлений о свободе, существенно отличавшихся от их французской или немецкой версий? На это предположение наводит тот факт, что в XIX в. Британия сделала свободу своим знаменем, введя принцип и практику *free trade* и тем самым надолго задав конфигурацию международного права. И не обусловлен ли британский национальный характер, во всяком случае отчасти, английским концептом свободы? Правда, здесь возникает вопрос, насколько правомерен сам разговор о наличии некоего особого национального характера.

Дело в том, что соответствующий концепт при всем интуитивном ощущении его адекватности до сих пор успешно ускользал от попыток его определить и обосновать. Абрам Карднер, первым заговоривший о существовании различных национальных характеров, отталкивался в своих рассуждениях от концепции базовой структуры личности¹, которая задается уникальной комбинацией врожденных и социализирующих факторов. Этот тезис, однако, не нашел эмпирического подтверждения, что побудило последователей Кардинера зайти с противоположной стороны и начать искать социологическое решение проблемы, двигаясь от сбора эмпирических фактов к обобщению. Возникшая в результате теория модальной личности² оказалась несколько более весомой, но ее минус заключался в том, что она открывала возможность для слишком большого числа интерпретаций: положенная в ее основу концепция мультимодальности была наиболее корректной³ в плане описания реальности, но одновременно, вследствие своего плюрализма, слабо операционализируемой.

Думается, однако, что изменение фокуса внимания может позволить избавиться от недостатков обоих подходов. Ведь если взять за единицу анализа те идеи и концепты, которые формируют актуальную

¹ *Kardiner 1945.*

² *DuBois 1960.*

³ *Inkeles and Levinson 1969: 432.*

онтологию нации, то ситуация окажется вполне разрешимой в теоретическом плане: одна и та же идея может транслироваться через разные социализирующие механизмы (что было слабым местом концепции базовой структуры личности) и иметь множество легитимных форматов своего воплощения на уровне индивида. При этом критичным является тот момент, что все эти вариации будут задавать единый онтологический смысл действий и весьма схожую систему их априорной и апостериорной оценки.

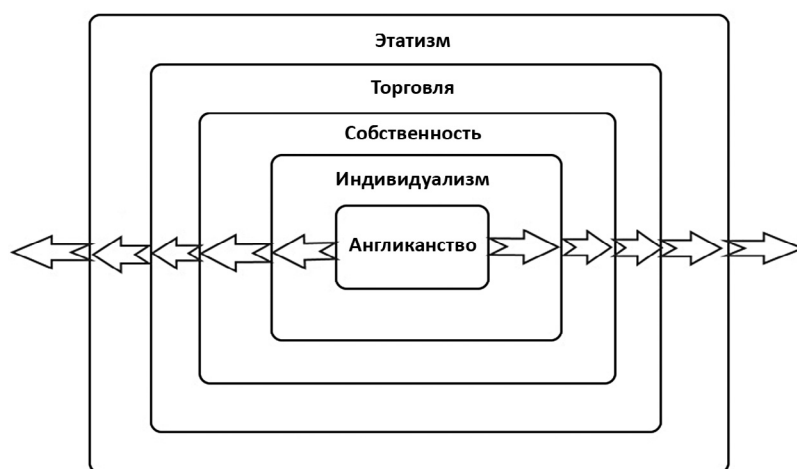
Рассматривая в качестве одного из таких онтологических факторов понятие свободы, мы попытаемся проанализировать как историю его вырастания в концепт, призванный объяснять и регулировать реальность, так и этапы практического воплощения. При решении этой задачи мы останемся в рамках политико-теоретического дискурса, во многом заданного Гоббсом, вслед за ним исходя из того, что значимость концепта определяется теми практиками, которыми он обусловлен и которые он объясняет, если не легитимирует. В частности, Гоббс, полагавший отношения собственности причиной возникновения и власти, и государства, и свободы, видел смысл существования последних в гарантии и обеспечении сопряженных с этими отношениями прав⁴.

⁴ См. Гоббс 1991: 139, 192, 320.

Структура концепта

Структура английского концепта свободы многослойна; ее можно представить как совокупность оболочек, последовательно обволакивающих ядерный концепт, где каждый слой, возникшая как логичное следствие предыдущего, задает пространство для развития последующего (см. рис. 1).

Рисунок 1 Структура английского концепта свободы

Формирование ядра концепта происходило в течение первых 100 лет с момента запуска Генрихом VIII процесса освобождения Англии от Католической церкви. На протяжении этого времени заложенное в основание английской свободы англиканство с разной степенью успешности противостояло давлению как католиков, так и пуритан, периодически вбирая в себя и содержательные, и формальные концепты обеих сторон. Неудивительно, что в итоге англиканство нашло главную для себя точку опоры «на земле», в понятии собственности: породившее его слияние королевской и духовной власти по определению накладывало структурные ограничения на легитимность сохранявшегося епископата, делая аргументы не слишком убедительными поиски точек опоры на небесах.

В роли основополагающего понятие собственности утвердилось, разумеется, не сразу. Впервые чрезвычайно важным оно становится в кальвинизме, где принцип отсутствия посредников между Богом и людьми предполагает в качестве единственно возможного индивидуальный диалог с Всевышним. Это институционально задает плюрализм онтологий и ценностей (каковых теоретически может быть столько, сколько людей на земле), а вместе с тем — и необходимость его преодоления через поиск однозначных (и опять же индивидуальных) доказательств предназначенности к спасению. Последние должны быть очевидными и бесспорными, а для этого им надлежит иметь не допускающую плюрализма материальную форму, значимость которой не может быть подвергнута сомнению. Идеальным воплощением таковой выступают собственность и деньги, а сделка купли-продажи, будучи актом признания ценности приобретаемого товара, тем самым оказывается ключевой процедурой, через которую проявляет себя общественное признание.

В то время, когда Гоббс писал «Левиафана», где и сформулировал идею собственности как причины политики и политического («Упраздните гражданский закон, и никто не будет знать, что есть его собственное и что — чужое»⁵), английские индепенденты торжествовали победу над королем и англиканством. Возможно, именно поэтому Гоббс избегает в своем труде прямых указаний на функцию собственности как доказательства предназначенности к спасению (что могло объясняться как самоочевидностью данной функции для его современников, так и желанием остаться над схваткой). Вместе с тем Гоббс идет дальше и надстраивает над собственностью этатизм, вменяя государству обязанность ее защищать. Очевидно, что главный (легальный) путь к приумножению собственности лежит через торговлю, и в силу этого прагматика английской свободы концентрируется вокруг защиты торговца. Английская свобода этатична, она в принципе не может вступить в конфликт с государством, поскольку вся его мощь призвана служить именно ее продвижению и укреплению. Такого рода свобода практически лишена внутренних конфликтов, а значит, может направить всю свою энергию на экспансию вовне.

⁵ Там же: 192.

⁶ Используемая нами здесь и далее терминология восходит к концепции Жоржа Дюмезиля, согласно которой три базовых социальных института — власть, нормативная система и экономические корпорации — вырастают из символических институтов вождя, жреца и купца соответственно. Подробнее см. Коктыш 2016а.

Свобода в эпоху от Генриха VIII до Гоббса

Примечательно, что и последующее восстановление в правах англиканства, и вытеснение из политического процесса пуритан никоим образом не поставили под сомнение обоснованное Гоббсом значение собственности.

Нетрудно заметить, что царство подобным образом понимаемой свободы будет не чем иным, как царством купца⁶, опирающегося на мощь государства и получившего в свое безраздельное распоряжение жаждущего спасения индивида. Символическая фигура вождя тут если и не является симулякром, то очень близка к тому, поскольку ее функции ограничены и носят откровенно подчиненный характер. Что касается символической фигуры жреца, то на уровне политической системы она едва просматривается, причем лишь в качестве виртуальной, ибо там в принципе нет и не может быть институционализованного субъекта, который бы мог поднимать вопросы об общем порядке вещей.

Англиканское ядро английской свободы заложил еще Генрих VIII, действовавший со всей решительностью правителя бедной периферийной страны, вынужденного с завистью смотреть на поток награбленных конкистадорами сокровищ, плывших мимо Англии в разрастающуюся Испанскую империю. Не имея шансов изменить окраинный статус своих владений в рамках католического мира, Генрих VIII отважился на выход из него: используя в качестве повода собственный развод, он порвал с Ватиканом, национализировал Церковь и обратил ее ресурсы в доход короны, тем самым удвоив его. Символическая фигура вождя поглотила фигуру жреца, превратив ее в неизменяемый симулякр в части онтологии и присвоив себе ее функции по прикладной интерпретации ценностей, что позволило ей кардинально расширить пространство собственной свободы. В условиях бедной страны, где прибыли были ничтожны, столь радикальное упрощение институционального дизайна не только не породило проблем, но стало вполне приемлемым решением, которое позволило купцу сократить транзакционные издержки, а короне — использовать изъятые у Церкви ресурсы для строительства флота.

Система заработала. Учрежденный англиканством онтологический индивидуализм предсказуемо направил свою энергию на поиск материальных доказательств личной предназначенности к спасению, вследствие чего в стране стала расти ресурсная база торгового сословия. После освоения пути в Индию и учреждения под патронажем короны Ост-Индской компании (ОИК) процесс этот еще больше ускорился. В результате спустя 100 лет после Генриха VIII накопленные совокупным купцом богатства достигли того уровня, при котором упрощенный институциональный дизайн начал восприниматься им уже не как функциональная выгода, а как существенным риском. В ситуации, когда ресурс коллективного купца явно превзошел ресурс короны, он превратился для нее в потенциальный объект экспроприации, причем экспроприации вполне легитимной, не противоречащей юридической

традиции. Купцу было что терять, и он решился на открытую войну. Символично, что восстание парламента против Карла I возглавил Оливер Кромвель, чей предок, Томас Кромвель, в свое время юридически обосновал правомерность национализации Генрихом VIII имущества Церкви и по исполнению этой миссии был казнен (как, впрочем, и многие другие соратники короля, полагавшие, что станут бенефициарами трансформированной при их участии политической системы).

Победив в лице короля символическую фигуру вождя, коллективный купец поспешил ее обезглавить. Если учесть, что столетием ранее вождь поглотил фигуру жреца, это могло иметь для британской политической архитектуры фатальные последствия, описываемые гоббсовской метафорой «войны всех против всех»: в новой реальности купец рисковал очутиться в институциональном одиночестве без каких-либо норм и силового ресурса. Предостережения Гоббса были услышаны. Монархия была переучреждена, но декларируемая ее абсолютность оказалась заключена в весьма жесткие телеологические рамки — единственным экзистенциальным смыслом фигуры вождя в полном соответствии с установками Гоббса стала защита прав собственности. Столь узкий коридор возможностей лишал фигуру вождя изрядной части субъектности, в значительной мере превращая ее в симулякр, поскольку реализоваться вождь теперь мог исключительно как инструмент в руках у купца. При этом и нарушение вождем границ этого телеологического коридора было проблематичным: монарх, пренебрегавший защитой прав собственности, тем самым препятствовал подданным в поиске доказательств их предназначенности к спасению, а значит, находился отнюдь не на стороне «светлых сил».

Труды Гоббса завершили оформление британским купцом своей свободы: он получил в свое распоряжение «симулякр в симулякре», неизменяемую нормативную базу и фактически безотзывный ресурс этатизма, ставивший государство ему на службу. Снятие внутренних противоречий и конфликтов позволило британской политической системе направить максимум энергии вовне, концентрируя в нужной точке гораздо больше сил и средств, нежели мог сделать любой ее конкурент. Это обстоятельство во многом и обусловило успех последующей британской глобальной экспансии и возникновение Британской империи⁷. Но что едва ли не более важно, с Гоббсом завершилось оформление английской онтологии: метафора купца, метафора обладания прочно легла в ее основание в качестве единственно мыслимой, задав модальность и язык английской политики как минимум на несколько веков вперед.

⁷ См. Коктыш 2016b: 6—15.

**Концептуализация
колониализма:
«освобождение»
и «просвещение»**

В истории колониальной экспансии британского купца без труда можно выделить экстенсивную и интенсивную стадии развития. На первом этапе он выстраивал и расширял свою заморскую зону влияния, активно укрепляя свои изначально слабые торговые аргументы как системной коррупцией местных властей, так и постоянно наращиваемой

военной силой. Эта тактика в итоге сработала, и в 1757 г. произошел качественный прорыв. Благодаря подкупу ключевого вражеского военачальника войска ОИК под командованием Роберта Клайва одержали впечатляющую победу над бенгальцами в битве при Плесси. Следствием этой победы стал контроль над Бенгалией, на тот момент богатейшей территорией Индии. Объем захваченного был практически равен годовому ВВП Британии, а вытребованное ОИК в качестве трофея право собирать налоги позволило ей за последующие 20 лет изъять у местного населения еще порядка пяти тогдашних ВВП Британии⁸.

⁸ Фурсов 2006: 127–135.

Беспощадное разграбление, разумеется, не могло продолжаться бесконечно и предсказуемо завершилось страшным голодом 1769 г., от которого в прежде процветавшей Бенгалии погибла почти треть населения (около 10 млн человек). Такое развитие событий стало для политического класса Британии, уже столкнувшегося с нарастающим напряжением в североамериканских колониях (вскоре вылившимся в войну за независимость), настоящим онтологическим шоком: выяснилось, что завоеванное можно очень легко потерять. Котировки акций ОИК обрушились, и она оказалась на грани разорения. Одновременно парламент приступил к слушаниям по поводу деятельности компании в Индии, в результате которых захвативший для Британии Индию Клайв превратился в весьма сомнительную фигуру вчерашнего дня и, будучи разжалован общественным мнением, покончил с собой. Это поставило акционеров ОИК, к тому моменту уже вложившихся в промышленную революцию и, соответственно, не имевших возможности вывезти свои богатства в какое-либо иное место, перед вызовом, резко актуализировавшим проблему легитимации контролируемой ими собственности.

Судя по всему, этот вызов был осмыслен самым серьезным образом. Концептуальный фундамент для перехода к интенсивной стадии колониального развития начал закладывать Джеймс Милль, в 1817 г. опубликовавший свой *opus magnum* — трехтомную «Историю Британской Индии». В этом весьма обстоятельном труде он во всех подробностях разбирал основные перипетии деятельности ОИК в Индии, не упуская ни одного существенного поворота, и по ходу дела столь же тщательно и скрупулезно описывал устройство индийской жизни. Правда, занятая им позиция, надолго утвердившаяся в качестве образца объективности, на поверку оказывалась в высшей степени англоцентричной: индийская реальность оценивалась преимущественно с точки зрения ее соответствия британской картине мира. Факты и события индийской истории излагались Миллем, как правило, *per se*, без особых попыток выявить их ценностную либо онтологическую логику, что зачастую превращало ее в нагромождение курьезов и бессмысленностей. Этой части текста противостояли стройные, глубокие и логичные авторские комментарии, экстраполировавшие на местную реальность онтологическую метафору купца. В результате просвещенный читатель в какой-то момент обнаруживал себя солидарным с Миллем в том, что появление ОИК при всех его издержках было исключительным благом

для индийцев, спасшим их от них самих. Ведь Индия, как утверждал Милль, находилась лишь на первой ступени цивилизации и нуждалась во внешнем руководстве, ибо ее собственные владыки с этой задачей не справились⁹.

⁹ Айзенштадт
и Гелла 1999:
45—47.

Что примечательно, Миллю удалось весьма неплохо «капитализовать» свое произведение: вскоре после его издания он «как человек большого интеллекта и литературных способностей» был приглашен на работу в ОИК, где быстро продвинулся по службе, сделав впечатляющую карьеру. Были приняты туда и его сыновья, тоже не задержавшиеся на рядовых должностях¹⁰.

¹⁰ Там же: 46.

Легитимацией Ост-Индской компании дело, впрочем, не ограничивалось. Утверждение метафоры купца в нормативном языке описания колониальной реальности, а следовательно, и управления ею резко расширяло пространство его свободы — прежде всего за счет пространства свободы локальных символических фигур жреца и вождя. В этом плане вполне логично, что в своем труде Милль предпринял решительную атаку на фигуру жреца: применительно к Индии главным врагом стал индуизм. И если сам Милль еще относительно сдержанно определял его влияние как аморальное¹¹, то его современник Уильям Уард уже без обиняков называл индусов «наиболее разложившимися людьми на земле»¹².

¹¹ Mill 1817:
263—266, 277,
285—286.

¹² Ward 2010: 90.

Дискредитации индуизма и безоговорочному его осуждению в качестве «аморальной» религии во многом способствовала и инициированная колониальной администрацией борьба с тайной сектой тугов, ритуальных душителей, посвятивших себя служению мрачной богине Кали. Секта эта якобы существовала с XII в., и предполагаемое число ее жертв за время присутствия британцев в Индии насчитывало как минимум миллион человек. Генерал-губернатор Индии Уильям Бентинк поставил перед собой задачу искоренить секту и, применив весьма жесткие меры, к концу своего правления в 1835 г. этой цели достиг.

История секты тугов отображена в многочисленных литературных произведениях, включая повести Артура Конан Дойля, и доброй дюжине фильмов. Обретшая благодаря им статус бесспорного факта, она, однако, не подтверждается документами; более того, нет никаких свидетельств наличия нормативных практик ритуальных убийств в индуизме как таковом. Судя по всему, в действительности за борьбой с тугами крылась масштабная кампания по компрометации Индии и индуизма. «Очевидная дикость местных нравов» позволяла колониальной администрации оправдать в глазах общественного мнения Британии и Европы в целом любые свои действия, представив их как априорное благо, и вместе с тем давала ей дополнительное оружие для подавления несогласных, ведь при желании обвинить в принадлежности к тайной секте можно было кого угодно¹³. По-видимому, это и было главным know how администрации Бентинка — под «статью тугов», грозившую повешением, подводился как «классический» криминал, так и политический протест¹⁴.

¹³ Chatterjee 1998:
128.

¹⁴ Schwarz 2010:
25—35, 40—46.

Не вызывает сомнений, что борьба с «религиозным мракобесием» была для Англии не самоцелью, а своего рода подготовительной

работой по расчистке пространства и созданию почвы для внедрения ценностей протестантизма. Первые попытки такого внедрения начались еще в 1813 г. с принятием обновленного Акта о Восточной Индии, призванного «вытащить азиатское население из состояния моральной слепоты». Акт, учреждавший пост калькуттского епископа, распахнул двери Индии перед миссионерами. Процесс пошел, и уже к 1832 г. в Индии было 58 миссий, доблестно сражавшихся против «сил тьмы». Правда, единственным очевидным результатом их действий был устойчивый рост недоверия и сопротивления на местах, в итоге вылившийся в 1857—1859 гг. в восстание сипаев, охватившее всю страну. Обнаружив себя на пороге полноценного столкновения цивилизаций, Британия отказалась от дальнейших попыток масштабного распространения протестантизма в своих колониях¹⁵.

¹⁵ *Ferguson 2008: 137—138.*

**Фритредерство:
антиимперские
основания
империи**

Впрочем, провал миссионерской деятельности не сильно повлиял на оформление империи британского купца. Та обрела фундамент еще до того, как тщетность попыток «сделать из аборигенов англичан»¹⁶ путем превращения их в протестантов стала очевидной. Важнейшую роль в этом сыграл (разумеется, наряду с другими «манчестерцами» — Ричардом Кобденом, Чарльзом Буллером и Уильямом Мольсвортом) сын Милля Джон Стюарт, вошедший в историю как один из ключевых авторов концепции свободной торговли, фритредерства, парадоксальным образом и легшей в основание Британской империи.

¹⁶ *Грудзинский 2015: 214.*

Парадокс заключался в том, что концепция фритредерства выглядела абсолютно и последовательно антиимперской. Она предполагала отказ Британии от защищенных протекционизмом торговых отношений с колониями — те получали право продавать свои товары кому угодно и по тем ценам, которые назначали сами. Иными словами, в момент своего появления идея свободной торговли должна была звучать для британского политического класса как явная ересь и опасная блажь интеллектуалов, чреватая фактической утратой с таким трудом собранных владений. Ведь было очевидно, что вслед за дарованием им «сверху» полной экономической свободы могло последовать идущее уже «снизу» требование свободы политической. Приводимые Миллем доводы в пользу перехода к новым принципам не делали ситуацию понятней: в большинстве своих текстов он довольно туманно обосновывал свою позицию, оперируя соображениями общего плана, которые с трудом конвертировались в политическую прагматику. Например, он утверждал, что, хотя пока никто, кроме Британии, «не вырос из тарифов», понимание того, что «открытые рынки обеспечивают отсутствие войны тарифов, рано или поздно станет всеобщим», и в случае провозглашения ею этих принципов они «будут восприняты остальными как возможные или усвоены как желательные»¹⁷.

¹⁷ *Mill 1861: 314—315.*

Правда, при обращении Милля к экономическим аргументам ситуация заметно прояснялась. В частности, Милль ссылаясь на то,

что переход к свободе торговли позволит Британии в полной мере воспользоваться «преимуществами ее уникальной культуры», ибо «свобода — это лучшее правление, большая безопасность для собственности, умеренные налоги, более качественное владение землей, общественное развитие, ослабление привычек и суеверий, противоречащих эффективной индустриализации, повышение интеллектуальной активности и приток иностранного капитала, открывающего возможность для роста производства»¹⁸. «Уникальная культура» в этом контексте подразумевала только одно: обладая в то время наиболее развитой промышленностью в мире, Британия в принципе не имела себе конкурентов.

¹⁸ Цит. по:
Ferguson 2008:
138—139.

Подобная асимметрия означала, что, формально освобождая всех, свободная торговля de facto освобождала исключительно Англию, позволяя ей избавиться от целого ряда политически мотивированных издержек. Действительно, ввиду промышленного первенства Британии ее товары при сопоставимом качестве всегда и везде обходились дешевле товаров других стран, а значит, жители колоний в любом случае покупали бы именно их. А вот сама она с введением свободы торговли могла легитимно отказаться от приобретения производимого в колониях, подыскав на рынке более выгодную альтернативу. Как писала тогда британская пресса, «представляется полным абсурдом, чтобы Англия, которая хвалится своей способностью успешно конкурировать со всем миром в столь многих отраслях промышленности, полагала необходимым навязывать свои товары посредством фискального регулирования народам колоний, и без того имеющим сильнейшие стимулы для торговли с ней»¹⁹.

¹⁹ Цит. по:
Грудзинский
2015: 45.

Но главными, конечно, были не преходящие конъюнктурные, а структурные последствия, закладывавшие основу для будущей системы власти британского купца. Захват внешних рынков британскими товарами означал не только немедленную прибыль, но и победу над конкурентами, которые, чтобы избежать банкротства, должны были встраиваться в производственную цепочку победителя в качестве ресурсной базы или младших партнеров, включенных в его систему разделения труда на его же условиях²⁰. Это структурно закрепляло рынки за британской промышленностью. Ровно это и предлагали «манчестерцы» как новый, более эффективный и существенно менее затратный по сравнению с силовым способ удержания колоний в своей орбите. Весьма показательны в этом плане, в частности, рассуждения Кобдена, который доказывал, что ставка на «привязанность» колоний гораздо надежнее ориентации на военную силу и что единственный смысл громадных трат на их содержание — это создание «фальшивого имиджа метрополии»²¹.

²⁰ Григорьев 2014:
27—60.

²¹ Грудзинский
2015: 92—93.

Обосновывая желательность такого сценария для колоний, британский купец активно использовал возможности продвижения своих интересов в инвертированной форме защиты интересов покупателя. Свобода торговли провозглашалась им основой всех прочих свобод²²,

²² Там же: 41.

а источником освобождения объявлялось стремление торговца и покупателя к независимости как от общества, так и от государства: чем меньше ограничений, тем больше выигрывают они оба.

Собственно говоря, это было достаточно логично — но только для первого этапа. Путем сужения свободы символических фигур жреца и вождя, то есть перераспределения подконтрольного им ресурсного потока в свою пользу, купец мог максимизировать прибыль и за счет этого снизить цены для локального покупателя. При этом, расширяя свою свободу, британский купец действовал естественным для него образом — он просто воспроизводил на новом месте и в другом формате привычный для себя порядок вещей, который начал закладываться в Британии еще Генрих VIII. Однако уже на следующем этапе подобная гармония интересов сходилась на нет, и выгоды торговца и покупателя не только переставали совпадать, но и вступали в противоречие друг с другом.

Механизмы этого тоже очевидны: запущенный на первом этапе процесс деградации символических фигур вождя и жреца с неизбежностью порождал эрозию социальных жизненных смыслов, что, в свою очередь, влекло за собой слом части социальных конструкций, снижение степени защищенности в рамках общества и в конечном итоге «рассыпание» последнего на совокупность индивидов. В выигрыше при таком раскладе оставались лишь те местные элиты, которые были вовлечены в систему разделения труда британского купца в качестве его младших партнеров, в то время как остальные, равно как и общество *per se*, сталкивались с ощутимым ухудшением своей жизни. Что существенно, все эти социальные страты обнаруживали себя во все большей зависимости от британского купца, причем его власть над ними была прямо пропорциональна величине перенаправленных им на себя локальных ресурсных потоков.

В этом плане вполне естественно, что Милль-младший решительно атаковал уже обе символические фигуры — и вождя, и жреца. Так, он обрушился на институты власти в Китае, объявив введенный ими запрет на продажу опиума безусловным покушением на свободу покупателя²³. Впрочем, он был здесь отнюдь не оригинален: в Британии 1841 г. опиумная война вообще преподносилась как «крестовый поход», призванный «принести блага свободной торговли еще в одну восточную деспотию»²⁴. Резко критиковал он и символическую фигуру жреца, причем столь бескомпромиссно, что препятствием для свободы у него оказывалась любая религия, опиравшаяся на концепт общества, а не индивида. Это касалось в том числе и христианства, этические максимы которого, согласно Миллю, «находятся в прямой оппозиции, приводящей к постоянному поиску компромисса между христианским вероучением и интересами и возможностями мирской жизни, когда первому достается почтение, а вторым — реальная преданность»²⁵.

²³ *Mill 2001*: 87–88.

²⁴ *Ferguson 2008*: 165.

²⁵ *Mill 2001*: 39.

**Классовый
подход Милля
и «метафизическая
сущность
мирового рынка»**

И все же Милль вошел в историю не столько как непримиримый критик всего, что стояло на пути свободы британского купца, сколько как один из ключевых авторов тех идей, которые позволили тому построить свою империю. Являясь венцом развития его свободы, ее институционализацией, империя эта, что интересно, была по своей природе скорее классовой, чем национальной. Наверху формировавшейся социальной пирамиды оказывался вполне космополитичный по составу класс собственников, порожденный новой системой разделения труда между метрополией и колониями. Статус в этой новой иерархии обрелся за счет принадлежности к особому рода элитному клубу и был прямо пропорционален степени включенности его обладателя в торгово-финансовый оборот коллективного британского купца.

Клубный принцип формирования новых элит неминуемо ставил вопрос о системе ценностей, которая бы обеспечивала клубу лояльность его членов. И дело здесь даже не в том, что от этой лояльности зависело функционирование всей цепочки разделения труда, то есть возможность извлечения прибыли ее привилегированными участниками. Куда более важным было то, что принадлежность к клубу неизбежно противопоставляла местные элиты их собственным обществам. Включение в процесс разделения труда *de facto* превращало их в игроков на британской стороне: они становились заинтересованы в дальнейшем разрушении локальных институтов вождя и жреца, поскольку их благополучие теперь прямо зависело от слабости этих фигур. Такое положение вещей неотвратимо вступало в противоречие практически с любой традиционной системой ценностей, ведь те, как правило, полагают смыслом существования элит их особую ответственность перед соответствующими сообществами. Для переориентации ценностного выбора в пользу британского купца требовалось не просто нейтрализовать локальную систему ценностей, но и создать ей эффективную альтернативу, которая бы позволила легитимировать деятельность солидаризовавшихся с ним элит в их собственных глазах и задать параметры их новой пробританской идентичности. Решению этих задач и способствовало творчество Милля.

Искомая ценностная альтернатива была найдена в том, что вслед за Джованни Арриги можно определить как безличную «метафизическую сущность мирового рынка»²⁶, чье господство было провозглашено единственно возможным результатом «объективного хода истории». Порождаемый этой метафорой дискурс оказался куда более эффективным средством легитимации и самооправдания новых локальных элит, нежели протестантизм: в отличие от последнего, он позволял девальвировать отрицаемые им традиционные ценности. Будучи рассмотрены с точки зрения «разумности и прогресса», они представляли нерациональными и архаичными в глазах уже не только англичан, но и пробританской элиты локальных обществ, переход которых на британскую сторону теперь мог трактоваться как скачок в застрашный день.

²⁶ Арриги 2010: 99.

Возникшую в результате систему ценностей Арриги называл *культуром* мирового рынка²⁷, и для этого действительно есть основания, ведь, по сути, речь шла о воспроизводстве принципиальной мировоззренческой конструкции протестантизма — с той существенной разницей, что теперь она излагалась в подчеркнуто рационалистических и секулярных терминах. Последнее имело критическое значение: восстание сипаев, поставившее точку на попытках англичан вытеснить одну религию другой, лишней раз подтвердило правоту Макиавелли, заметившего как-то, что «нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми»²⁸. Сложность замены «ложной» религии «правильной» не в последнюю очередь обусловлена тем, что речь идет о вещах однородовых и равнопоставленных, где превосходство одного над другим заведомо неочевидно и спорно. При переносе же центра тяжести на вытеснение мистического рациональным, отжившего современным ситуация полностью утрачивала драматизм, представляя как следствие естественного хода истории, сопротивление которому а priori бессмысленно.

²⁸ *Макиавелли 1982: 316—317.*

²⁹ *Gallaghe and Robinson 1953.*

³⁰ *Ferguson 2008: 245.*

³¹ *Ibid.: 138.*

Экстраполяция метафоры купца на международную реальность с наделением ее статусом «объективного исторического развития» оказалась в высшей степени эффективной. Проблемная парадигма противопоставления англиканства локальным системам ценностей уступила место парадигме неконфликтного развития одного в другое в ходе «естественной эволюции». Такая объективация выглядела тем более убедительной, что, воспользовавшись положением самого сильного игрока, Британия ввела свободу торговли в одностороннем порядке, поставив остальных перед фактом изменения правил игры: в сложившихся обстоятельствах практически все происходившее можно было интерпретировать как следствие действия «объективных законов», тем самым снимая вопрос об ответственности локальных элит перед их обществами. Подобного рода установка и стала идеологическим стержнем «фритредерского империализма»²⁹. При этом свобода торговли была вещью очень хорошо просчитанной — даже во время кризиса конца XIX в., не говоря уже о куда более тучных ранних временах, соотношение импортных и экспортных цен приносило Британии весьма существенную дополнительную выгоду³⁰.

Собственно концепции прогрессизма и мирового рынка были формой инвестирования британского купца в культуру, которое легло в основу его имперского строительства. В результате этих инвестиций метафоры протестантизма, оставаясь неизменными, избавились от религиозного обоснования, обретя рационалистическую упаковку. По сути, это и стало новой «религией свободы», ее «лучшим из возможных на протяжении всего ее существования» пониманием³¹, о котором писал Милль. Как отмечал Арриги, «фритредерский империализм... ввел принцип, согласно которому законы, действующие внутри и между государствами, подчинялись верховной власти новой,

метафизической сущности — мировому рынку, управляемому своими „законами“, — предположительно наделенной сверхъестественной силой, которая превосходила силу Римского папы и императора в средневековой системе правления. Преподнося свое мировое превосходство в качестве воплощения этой метафизической сущности, Британия успешно распространила свое влияние в межгосударственной системе далеко за пределы того, что было гарантировано степенью и эффективностью ее аппарата принуждения»³². В сочетании с заморской территориальной экспансией и развитием промышленности эта политика стала мощным инструментом управления всем миром-экономикой, где «право собственников стремиться к получению богатства было поставлено не только выше абсолютных прав правления правителей, но и старых прав на получение средств к существованию неимущими классами»³³.

³² *Арриги 2010: 99.*

³³ *Там же: 109.*

Деконструируя культ «невидимой руки рынка», Карл Поляни подчеркивал, что, являясь переводом политического и социального на язык рынка, то есть предполагая максимально широкую экспансию категории товара, подобная парадигма означала тотальную замену идеальных стимулов развития материальными. Так, в частности, именно благодаря ей впервые в истории Европы голод и прибыль превратились в мотивы социального действия, вытеснив актуальные прежде мотивы статуса и престижа³⁴. И в этом плане, что интересно, либерализм и марксизм на деле куда ближе друг к другу, чем кажется; по сути, они существуют в рамках одной и той же системы метафор, смыкаясь «в части интерпретации мотивов, вытекающих из материальных побуждений»³⁵. «Если раньше экономическая система была укоренена в социальных отношениях, то теперь социальные отношения оказались укоренены в экономической системе. Если раньше уровень доходов определялся занимаемой должностью и положением в обществе, то теперь они определяются доходами»³⁶. В утверждении метафоры купца в качестве доминирующей Поляни видел «гипостазию человека», «роковой разрыв материального и идеального, где повседневность отдана материальному, воскресенье — идеальному», где в повседневности царствуют «голод и выгода», а «жалость, долг и честь» вытеснены в воскресенье³⁷.

³⁴ *Поляни 2010: 26—27.*

³⁵ *Там же: 33.*

³⁶ *Там же: 27.*

³⁷ *Там же: 28.*

Выделяя этапы становления нового культа, Поляни de facto фиксировал три волны товаризации нетоварных вещей. Это закон о бедных 1834 г. (поставивший человека перед выбором между трудом и голодной смертью), закон о банках 1844 г. и отмена хлебных законов в 1846 г. В результате возникли три основополагающие заповеди — что стоимость труда определяется рынком и только рынком, что объем денежной массы не нуждается в специальном регулировании и что товары должны свободно перетекать из страны в страну, невзирая на последствия³⁸. Естественным образом новые ценности были противопоставлены тем, что имели значение в рамках доминирования символических фигур вождя и жреца, так что «честь и достоинство, гражданские обязанности

³⁸ *Там же: 34, 38—39.*

и нравственный долг, даже самоуважение и правила приличия оказались несущественными»³⁹.

³⁹ Там же: 40.

Заявления фритредеров об «объективном» характере законов нового культа были заведомо лукавыми: на деле речь шла об извлечении метрополией экономической прибыли из подчиненных территорий. Практические последствия британской свободы торговли для экономик колоний были воистину чудовищными. Так, в 1896 г. индийскими ткачами, столкнувшимися со «смертельной конкуренцией с Европой», было произведено лишь 8% потребляемой в их стране одежды⁴⁰.

⁴⁰ Ferguson 2008: 217.

Тем не менее перестройка Британской империи на формально антиимперских фритредерских ценностных основаниях кардинально изменила мир. Главным итогом стала делегитимация традиционных форм управления как «несвободных» (что нашло выражение, в частности, в ликвидации в 1858 г. ОИК) и утверждение принципиально нового управленческого инструментария, легитимированного свободой, хотя по факту базирующегося на экспансии метафоры товара на максимальный широкий круг вещей и явлений.

Библиография

Айзенштат М.П. и Т.Н.Гелла. (1999) *Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке*. М.: Институт всеобщей истории РАН.

Арриги Дж. (2006) *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/135988/Dolgiii_Dvadcatyii_Vek_Den%27gi%2C_Vlast%27_i_istoki_nashchego_vremeni.pdf (проверено 10.04.2019).

Гоббс Т. (1991) «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» // Гоббс Т. *Сочинения: В 2 т.* Т. 2. М.: Мысль.

Григорьев О.В. (2014) *Эпоха роста: Лекции по неоконимике. Расцвет и упадок мировой экономической системы*. М.: Карьера Пресс.

Грудзинский В.В. (2015) *Великобритания и ее империя в середине XIX века: либерализм и проблема модернизации*. Челябинск: Энциклопедия. URL: <http://histfil.ru/images/2016/111.pdf> (проверено 10.04.2019).

Коктыш К.Е. (2016а) «Онтология рационального (I)» // *Полития*, № 2 (81): 33–54.

Коктыш К.Е. (2016б) «Онтология рационального (III)» // *Полития*, № 4 (83): 6–24.

Макиавелли Н. (1982) *Избранные сочинения*. М.: Художественная литература.

Поланьи К. (2010) *Избранные работы*. М.: Территория будущего.

Фурсов К.А. (2006) *Держава-купец: Отношения Английской Ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями*. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Chatterjee A. (1998) *«Thugs» in Representations of India: The Creation of India in the Colonial Imagination*. London: Macmillan.

- DuBois C. (1960) *The People of Alor*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Ferguson N. (2008) *Empire: How Britain Made the Modern World*. London: Penguin Books.
- Gallagher J. and R. Robinson. (1953) «The Imperialism of Free Trade» // *Economic History Review*, vol. 6, no. 1: 1—15.
- Inkeles A. and D. Levinson. (1969) «National Character: the Study of Modal Personality and Sociocultural Systems» // Lindzey G. and E. Aronson, eds. *The Handbook of Social Psychology*. Vol. 4. Reading (Mass.): Addison-Wesley: 418—506.
- Kardiner A. (1945) «The Concept of Basic Personality Structure as an Operational Tool in the Social Sciences» // Linton R., ed. *The Science of Man in the World Crisis*. New York: Columbia University Press: 137—155.
- Mill J. (1817) *The History of British India*. Vol. 1. London: Baldwin, Cradock and Joy.
- Mill J.S. (2001) *On Liberty*. Kitchener: Batoche Books.
- Schwarz H. (2010) *Constructing the Criminal Tribe in Colonial India: Acting Like a Thief*. Oxford, Malden (Mass.): Wiley-Blackwell.
- Ward W. (2010) *A View of the History, Literature, and Religion of the Hindoos Including a Minute Description of their Manners and Customs, and Translations from Their Principal Works*. Cambridge: Cambridge University Press.

πολιτικά

K.E.Koktysh

ENGLISH CONCEPT OF FREEDOM: EXPERIENCE OF DECONSTRUCTION

Kirill E. Koktysh — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of Political Theory, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs of Russia. Email: kirill.koktysh@gmail.com.

Abstract. The article attempts to deconstruct the English concept of freedom. Having documented the multi-layered structure of this concept, which can be represented as a set of shells that consistently embrace the nuclear concept, the author traces the history of the formation of its key components, such as Anglicanism, individualism, property, trade, and etatism. It took over one hundred years to combine all these components into the concept of freedom, after which it entered the stage of the applied implementation. According to the author, it was the English concept of freedom that

formed the basis of the British Empire, as well as the international legal order that developed in the 19th century, and the British national character.

It is noteworthy that the British Empire was built on formally anti-imperial value foundations. It is primarily about the concept of free trade that allowed England to fully utilize the advantages of possessing the most developed industry in the world at that time. Although in theory free trade provides freedom to everyone, in practice England was the only beneficiary because free trade reduced many politically motivated costs for England. The analysis conducted by the author reveals that in fact the liberal free-trade theory contains class approach, which was used to justify the right of the possessing class to dominance. The world order, for its part, was based on the “metaphysical essence of the world market”, which de facto structured the international legal space of the 19th and 20th centuries.

Keywords: freedom, property, merchant, free trade, world market, metaphor, symbolic figure, modal personality

References

- Arrighi G. (2006) *Dolgij dvadtsatyj vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times]. Moscow: Territorija budushchego. URL: https://www.e-reading.club/bookreader.php/135988/Dolgiii_Dvadcatyii_Vek._Den%27gi%2C_Vlast%27_i_istoki_nashchego_vremeni.pdf (accessed 10.04.2019). (In Russ.)
- Chatterjee A. (1998) *“Thugs” in Representations of India: The Creation of India in the Colonial Imagination*. London: Macmillan.
- DuBois C. (1960) *The People of Alor*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Eisenstadt M.P. and T.N.Gella. (1999) *Anglijskie partii i kolonial'naja imperija Velikobitanii v 19 veke* [English Parties and British Colonial Empire in the 19th Century]. Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN.
- Ferguson N. (2008) *Empire: How Britain Made the Modern World*. London: Penguin Books.
- Fursov K.A. (2006) *Derzhava-kupets: Otnoshenija Anglijskoj Ostindskoj kompanii s anglijskim gosudarstvom i indijskimi patrimonijami* [Power-Merchant: The Relations of East India Company with English State and Indian Patrimonies]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanij KMK. (In Russ.)
- Gallagher J. and R.Robinson. (1953) “The Imperialism of Free Trade” // *Economic History Review*, vol. 6, no. 1: 1–15.
- Grigoriev O.V. (2014) *Epokha rosta: Lektsii po neonomike. Rastvet i upadok mirovoj ekonomicheskoy sistemy* [The Age of Growth: Lectures on Neoconomy. The Flourishing and Decline of World Economic System]. Moscow: Kar'era Press. (In Russ.)
- Gruzinsky V.V. (2015) *Velikobritanija i ee imperija v seredine 19 ve-ka: liberalism i problema modernizatsii* [Great Britain and Its Empire in the Middle of the 19th Century: Liberalism and the Problem of Modernization].

Chelyabinsk: Entsiklopedija. URL: <http://histfil.ru/images/2016/111.pdf> (accessed 10.04.2019). (In Russ.)

Hobbes Th. (1991) “Leviathan, ili Materija, forma i vlast’ gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo” [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil] // Hobbes Th. *Sochinenija: V 2 t.* [Works]. Vol. 2. Moscow: Mysl’. (In Russ.)

Inkeles A. and D.Levinson. (1969) “National Character: the Study of Modal Personality and Sociocultural Systems” // Lindzey G. and E.Aronson, eds. *The Handbook of Social Psychology*. Vol. 4. Reading (Mass.): Addison-Wesley: 418—506.

Kardiner A. (1945) “The Concept of Basic Personality Structure as an Operational Tool in the Social Sciences” // Linton R., ed. *The Science of Man in the World Crisis*. New York: Columbia University Press: 137—155.

Koktysh K.E. (2016a) “Ontologija ratsional’nogo (I)” [Ontology of Rational (I)] // *Politeia*, no. 2 (81): 33—54. (In Russ.)

Koktysh K.E. (2016b) “Ontologija ratsional’nogo (III)” [Ontology of Rational (III)] // *Politeia*, no. 4 (83): 6—24. (In Russ.)

Machiavelli N. (1982) *Izbrannye sochinenija* [Collected Works]. Moscow: Khudozhestvennaja literature. (In Russ.)

Mill J. (1817) *The History of British India*. Vol. 1. London: Baldwin, Cradock and Joy.

Mill J.S. (2001) *On Liberty*. Kitchener: Batoche Books.

Polanyi K. (2010) *Izbrannye raboty* [Collected Works]. Moscow: Territorija budushchego. (In Russ.)

Schwarz H. (2010) *Constructing the Criminal Tribe in Colonial India: Acting Like a Thief*. Oxford, Malden (Mass.): Wiley-Blackwell.

Ward W. (2010) *A View of the History, Literature, and Religion of the Hindoos Including a Minute Description of their Manners and Customs, and Translations from Their Principal Works*. Cambridge: Cambridge University Press.